

САМЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

1892. | БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ „РОДИНЫ“ | № 9.

Сибирскіе крестьянскіе свадьбы и «женщины».

(Очеркъ Д—наго).

Брачный союзъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ народной жизни. Этимъ священнымъ актомъ воздвигается фундаментъ тѣхъ общественныхъ ячеекъ, изъ совокупности которыхъ слагается цѣлое общественное зданіе. Составляя отдѣльное звено общества, семья играла весьма важную роль во всё время и историческія эпохи. Въ началѣ семья имѣла кровно-патріархальный характеръ. Она представляла союзъ всѣхъ родственниковъ по крови, союзъ цѣлаго рода, владѣющаго родовымъ имуществомъ, — дворомъ. Родъ-семья управлялся единственною властью родоначальника-патріарха. Съ теченіемъ времени родовой принципъ семьи замѣняется тягловымъ, фискальнымъ, не признающимъ въ младшихъ членахъ семьи человѣческаго достоинства, отдѣльныхъ личностей, владѣющихъ волей и разумомъ. Древнеобщинная семья разлагается, принимая типъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, хозяйственныхъ единицъ, или же образуетъ союзъ родственниковъ лишь, экономически закабаленныхъ, сдерживаемыхъ страхомъ, угнетаемыхъ невѣжествомъ, взаимно поѣдающихъ другъ друга и превращающихъ жизнь не въ жилище счастья, а въ стоячее болото, изъ котораго стремится вырваться на свободу всякая живая душа, надѣленная здоровой мыслью и чувствомъ. Эти два послѣдніе типа семьи переданы въ наслѣдство современной русской цивилизаціи. Но такъ какъ пресловутая русская цивилизація слагалась изъ взаимно-сталкивающихся и переплетающихся вліяній всѣхъ наличныхъ классовъ и сословій общества, то невольно возникаетъ вопросъ, въ какихъ слояхъ общества уцѣлѣлъ тотъ или другой типъ семьи?

Второй типъ семьи уцѣлѣлъ въ купеческомъ, мѣщанскомъ, чиновничьемъ, однимъ словомъ въ среднихъ классахъ, откуда въ настоящее время раздается больше всего протестовъ противъ существующаго тамъ строя семьи, гдѣ расколъ и взаимное непониманіе между членами семьи достигли крайнихъ предѣловъ. Первый типъ семьи уцѣлѣлъ, сохранился въ крестьянской семьѣ.

Деспотически-патріархальная власть отцевъ олицетворилась въ лицѣ современныхъ Титъ-Титычей, этихъ типичныхъ представителей современнаго строя семьи, для которыхъ нажива, надувательство и обманъ во всевозможныхъ видахъ и образахъ, нравственная дряблость и распущенность, клевета и инсинуаціи, пресыщеніе и вѣчная борьба изъ-за копейки составляютъ цѣль всѣхъ жизненныхъ стремленій, призваніе человека. Въ этой развращенной средѣ женщина всеобщимъ обезличена. Въ брака, въ выполненіи извѣстныхъ функций, за нею не признано права на существованіе.

Въ крестьянской средѣ эти азіатскіе идеалы семейнаго устройства явились въ болѣе смягченной и не въ столь уродливой формѣ, въ виду особенныхъ условій этой среды, въ которой преобладаетъ не кровное родство, не самодурство родителей, а трудовое начало, ассоціація труда. На этой-то ассоціаціи и покоится все счастье семьи, весь распорядокъ внутреннихъ отношеній всѣхъ членовъ семьи между собою.

У сибирскаго крестьянства семья получила нѣсколько другое развитіе: сибирскій крестьянинъ не зналъ почти крѣпостнаго права, со всѣми его мрачными деморализующими послѣдствіями, отозвавшимися самымъ невыгоднымъ образомъ на велико-русскомъ крестьянинѣ. Сибирскіе крестьяне прямые потомки тѣхъ первыхъ переселенцевъ, которые изъ любви къ труду и самостоятельности оставили свою родину. Суровая школа дѣйствительности способствовала выработкѣ здоровыхъ этическихъ началъ въ характерѣ сибиряка. Сообразно съ отличительнымъ характеромъ сибирскаго крестьянина, выработавшаго въ себѣ самостоятельность, стойкость, твердость и упрямство въ преслѣдованіи дѣлей, незлюбовость, по отношенію къ низшимъ членамъ семьи, отсутствіе страха и робости передъ дѣйствительностью, сообразно съ этими отличительными чертами сибирскаго крестьянина и семья послѣдняго была построена на гораздо лучшихъ основаніяхъ, чѣмъ семья у велико-русскихъ крестьянъ средняго класса. Вслѣдствіе этого и брачный союзъ у сибирскихъ крестьянъ основанъ не на исключительно физиологическихъ причинахъ, а на трудовомъ началѣ, на стремленіи къ приращенію производительныхъ силъ въ семьѣ, на уравнительномъ распределеніи трудового ярма между всѣми членами семьи общины, на взаимной симпатіи брачующихся, на естественномъ влеченіи другъ къ другу молодыхъ, здоровыхъ натуръ. Неудивительно послѣ этого, что здѣсь женщина пользуется болѣе широкими правами, чѣмъ въ Россіи; здѣсь, въ средѣ крестьянской, она не обречена играть печальную роль «рабыни раба» или наложницы; къ сибирской крестьянкѣ не успѣли привиться свойства велико-русской женщины-рабы. Сибирская крестьянка не служитъ слѣбнымъ и послужнымъ орудіемъ; она не находится въ кабалѣ, въ эконолической зависимости отъ старшихъ членовъ семьи, старшихъ не по крови, возрасту и лѣтамъ, а по своей нравственной правоспособности. За извѣстными исключеніями, личность сибирской женщины не угнетена, не пришиблена семьей. Но ея

самостоятельность куплена дорогой цѣной, — долгой борьбой съ окружающими обстоятельствами; близкимъ сочувствіемъ въ домѣ равномернаго распредѣленія семейной тяготы между всѣми членами семейной ассоціаціи, въ дѣлѣ перенесенія всѣхъ невзгодъ и нравственныхъ потрясеній семьи. Сибирячка, по своей физической силѣ, выносливости и неустрашимости, не уступаетъ мужчине. Путемъ суровой школы и сложившагося обстоятельства, женщина въ крестьянской сибирской средѣ обречена была нести одинаковую и, подчасъ, болѣе суровую тяготу сравнительно съ тяготой, выпадающей на долю мужчины. Въ полевыхъ и домашнихъ работахъ она затѣветъ за поясъ иного мужчину: она сама распахиваетъ и забораниваетъ свой надѣлъ. Она сама жнетъ и косить и ни на шагъ не отступаетъ отъ мужчины. Она и зародъ закладываетъ и на зародѣ сама стоитъ и тутъ-же рядомъ ребенка укачиваетъ, всовывая послѣдному въ ротъ хлѣбную соску, либо подставляя ему свою грудь. Она и въ лѣсѣ стѣздитъ сама за дровами и ягодъ за одно соберетъ для продажи. Она за домомъ присматриваетъ и стряпаетъ, и ребятишекъ доглядываетъ и все свое домашнее хозяйство ведетъ. Она и за скотиной ходитъ, и огородъ разводитъ, и хлѣбъ во время провѣтъ; зимой она шьетъ, ткетъ на всю семью, не разгибая спины!.. Но признанная равноправность женщинъ въ сферѣ трудового начала, трудовой эмансипаціи не ограничивается представленнымъ ей полемъ дѣятельности, теряетъ свой узко-спеціальный характеръ, врывается и въ другія сферы жизненной правоспособности. Это стремленіе къ болѣе широкому вліянію проявляется въ совѣщаніи женщинъ съ мужчинами, при чемъ мнѣніе женщинъ выслушивается со вниманіемъ, примѣняется къ дѣлу и даетъ ощутительные результаты; въ дѣлѣ совѣстнаго обдумыванія какого-нибудь важнаго предпріятія, рискованнаго шага въ пользу семьи, въ дѣлѣ огражденія послѣдней отъ опасности, въ защитѣ ея правъ. Безъ всякаго риска можно допустить, — что сибирская женщина въ интеллектуальномъ отношеніи стоитъ выше мужчины. Ея способность съ перваго взгляда распознавать людей, проникать въ ихъ душу и помыслы, ея способность иезуитничать и прикидываться въ извѣстныхъ случаяхъ простячкой — невольно бросается въ глаза наблюдателя.

Признавая за брачнымъ союзомъ, этой первой закладкой семейной жизни, важное животрепещущее значеніе, народъ ознаменовалъ этотъ союзъ цѣлымъ рядомъ бытовыхъ обрядовъ, сопровождаемыхъ пѣнями и играми. Эти свадебные обряды и игры, въ большинствѣ случаевъ, потеряли свое первоначальное значеніе. Сохранившіяся въ нихъ воззрѣнія наглядно показываютъ намъ, какъ высоко народъ ставилъ брачный союзъ въ своей первобытной жизни, когда условія общежитія были столь тяжелы, столь угнетающи, что беззащитному человѣку, для охраненія новой семьи отъ внѣшнихъ, разлагающихъ условій, враждебныхъ посягательствъ, постороннихъ недружелюбныхъ вмѣшательствъ, приходилось прибѣгать къ мѣрамъ, часто наивнымъ и суевѣрнымъ, къ средствамъ — темнымъ, невѣжественнымъ, не безукоризненно-чистымъ и, подчасъ, отталкивающимъ. Мы не въ правѣ обвинять этого грубаго, невѣжественнаго человѣка за практикуемые имъ средства для охраненія своей, вновь нарождающейся, семьи отъ окружающихъ враждебныхъ условій. Не обладая ни достаточнымъ запасомъ интеллектуальныхъ силъ, забытый, робкій, подвергнутый постоянному гнету со стороны

пришлыхъ враждебныхъ элементовъ, онъ при первомъ столкновеніи съ неблагопріятными, темными, ничѣмъ необъяснимыми и таинственными условіями становится втупишь, теряетъ со страху и тотъ же большой запасъ ума и опыта, который отчасти передаетъ ему по наслѣдству, отчасти выработалъ имъ самимъ и невольно хватается за первое попавшееся ему темное и неопредѣленное средство, пускаетъ его въ ходъ, въ надеждѣ, если не преодолѣть, то по крайней мѣрѣ, перехитрить угрожающую ему опасность. При накопленіи опыта средства мѣняются, смотря потому, на сколько было успѣшно, благопріятно, или неблагопріятно ихъ воздѣйствіе.

Что-же касается до того, что эти суевѣрные свадебные обряды и по сіе время практикуются въ сибирской крестьянской средѣ, то это объясняется устойчивостью народныхъ традицій, измѣняющихся свой смысломъ и характеръ съ перемѣной самаго міросозерцанія народа. Обряды эти, потерявъ прежнее религиозное значеніе, приняли въ настоящее время характеръ простаго этикета. Они придаютъ брачному союзу нѣкоторую торжественность и веселость, что разнообразить и оживляетъ монотонную, сѣренькую жизнь нашего пахаря.

Браки съ согласія родителей и при обоюдной симпатіи молодыхъ совершаются слѣдующимъ образомъ: отецъ жениха, одинъ или съ пріятелемъ, отправляются къ родственникамъ невѣсты, къ женатому брату, сестрѣ, дядѣ или теткѣ послѣдней, и начинаютъ высватывать ихъ «сродственницу» — невѣсту за своего сына. Тутъ отецъ жениха проситъ родственниковъ сходить къ родителямъ невѣсты для передачи предложенія. Если у жениха нѣтъ ни родителей, ни родственниковъ, то мѣсто сватовъ заступаютъ друзья и пріятели. «Сродственники» невѣсты охотно принимаютъ возлагаемую на нихъ миссію, общаются употребить все свое вліяніе на родителей невѣсты и угощаютъ сватовъ, по заведенному обычаю, чаемъ и виномъ. На слѣдующій день, послѣ прихода сватовъ, «сродственники» отправляются къ родителямъ невѣсты и передаютъ отцу послѣдней предложеніе жениха. Случается, что отецъ невѣсты, на первыхъ порахъ, не соглашается на предложеніе жениха подъ тѣмъ предлогомъ, что невѣста, дескать, молода, что ей всего на-всего, какихъ-нибудь 20—22 года, что при такомъ молодомъ возрастѣ какая она еще невѣста, что одно лишь разореніе отдавать въ такіе годы дочерей замужъ. Въ случаѣ недостатка, отецъ невѣсты даетъ понять, что онъ, не въ состояніи оправдать всѣхъ расходовъ на приданое. Сродственники передаютъ отвѣтъ невѣстинаго отца сватамъ, а тѣ, посовѣтовавшись съ женихомъ, снова начинаютъ упрашивать сродственниковъ «уломать» старика, прельщая ихъ предстоящей гуляной и выпивкой. Сродственники снова отправляются къ отцу невѣсты, энергичнѣе принимаются уговаривать старика, приводя ксатати, какъ доводъ неравнодушіе невѣсты къ жениху. Послѣдняя аргументація дѣйствуетъ лучше всего. Справившись съ мнѣніемъ невѣсты, отецъ (и мать?) послѣдней соглашается на бракъ. Кромѣ того отецъ невѣсты выговариваетъ себѣ отъ одного до пяти ведеръ вина. Назначается день сговора. На сговоръ приглашаются тестемъ родственники со стороны жениха и невѣсты, сваты, знакомые, у которыхъ отецъ невѣсты самъ былъ на сговорѣ. Въ домѣ будущаго тестя устраивается приличное угощеніе. «Старики» совершаютъ укорбиты, гости въ это время «пропиваютъ» невѣсту. Женихъ передаетъ

невѣстѣ подарки. Пошировавъ до полночи, гости съ пѣснями расходятся по домамъ, либо завергываютъ по приглашенію свата къ послѣднему, у котораго пируютъ до самаго утра. На сговорѣ поются слѣдующія пѣсни:

К
Не два голубя,
Не два сизые
На скалѣ, они, сидятъ.
Они пьютъ и льютъ,
Въ музыки играютъ,
Душу дѣвицу, Марьюшку,
Ее забавляютъ
Охъ, дѣвица, душа Марьюшка,
Тебя тятинька кличетъ.
Право, дѣвушки, не слыхала,
Право, красныя, не слыхала.
Марьюшка, тебя маменька кличетъ!..
Марьюшка по горницѣ гуляетъ
Ручки бѣлыя, перстни золотые.
Марьюшка Ильинишна!
Тебя Петръ Никитичъ *) кличетъ.
Подруженьки мои любезныя
Давно слышу.

Невѣста сидитъ съ женихомъ за столомъ. Сама она не принимаетъ участія въ пѣніи:

К
Мнѣ не долго жить
Съ дѣвѣей красотой,
Со хорошей, съ трупчатой косой,
Ужъ я красила дѣвѣю красоту
Днемъ противъ солнышка,
Въ темну ноченьку противъ мѣсяца,
Противъ частыхъ звѣздочекъ и т. д.

Для шитья приданаго къ невѣстѣ каждый день собираются ея подружки. Время незамѣтно проходитъ въ шуткахъ, прибауткахъ, въ веселомъ, здоровомъ смѣхѣ. Сюда по вечерамъ собираются и деревенскіе парни поемѣются побалагурить, поиграть съ дѣвчатами, послушать дѣвичихъ пѣсень и самимъ спѣть какую-нибудь позабористѣй, получить за такую вольность нѣсколько тяжеловѣсныхъ тумачковъ. На эти вечера не рѣдко заглядываютъ и женихъ съ подарками: орѣхами, пряниками и проч., и сосѣди, мальчишки, дѣвчонки и хозяйки, коихъ подстрекаетъ любопытство и желаніе освѣжить въ своей памяти, пережить снова свѣтлыя минуты своей молодости, своего безпечальнаго житья. На этихъ собраніяхъ у невѣсты поются такія пѣсни:

*) Смотря какое имя у жениха, такое и вставляется.

1.

X
 Мимо дубу да березы
 Промелькала рѣчка,
 Эта рѣчка невеличка,
 Вода-то холодна.
 Нельзя, нельзя воду пить,
 Нельзя мужу жену бить --
 Нельзя поучити.
 Ужь я билъ жену разъ, —
 Плакаль всю недѣлю.
 Сунилъ, крушилъ ясны очи
 Во ясной денечекъ!
 Что во ясной во денечекъ
 Цѣловать разоцекъ.

2.

X
 Я пойду въ зеленый садъ гулять,
 Я спрошуся у соловьюшка, доложуся у молоденькаго.
 Кому воля, кому нѣтъ гулять:
 Воля доля краснымъ дѣвушкамъ гулять!
 Молодушкамъ зарѣшилася гульба,
 Цѣловать-бы, миловать-бы три раза.

3.

X
 Зайка бѣлинькой,
 Ушки черпеньки,
 Ножки коротеньки.
 Зайка въ сторону скочилъ,
 Чаю, кофію схватилъ,
 На другу перескочилъ.
 Тамъ рѣчка глубока
 Рѣка тиновая, рѣка рябиновая.
 Сколь рябинушка густа,
 Цѣлуй дѣвушку въ уста!

4.

X
 Что по маленькой рошѣ
 Шель мой миленькой хорошей;
 Не путемъ онъ не дорогой
 Чужимъ огородомъ,
 Въ заднія ворота.
 Набираетъ въ обѣ руки все бѣлова снѣгу:
 Намѣчу Дунѣ въ окошко, чтобы здогадалась,
 За сердечушко схваталась.

За сердечушко схватилась на улицу вышла!
 Полно миленькой смѣяться,
 Намъ теперь не время!
 Что у татеньки-то гости
 У маменьки тоже!
 У меня подружки,—цѣловать Ванюшку.

5.

Не поосрежку молодець идетъ,
 За собой онъ ворона коня ведетъ.
 За конѣчкомъ его Машенька идетъ.
 Совалилась черна шляпа со кудрей!
 «Ты, дѣвица, подыми шляпу мою!»
 Мнѣ поднять шляпы не хочется!
 Поклониться я не знаю дружку,
 Я не знаю, — не называть!

6.

Шелкова ниточка по стѣнѣкѣ льнетъ,
 Молодець у дѣвушки ручку жметъ,
 Жметъ, пожметъ, все выпрашиваетъ,
 Кто у те, Машенька (?) миленькой!
 «У меня миленькой — родной батюшка».
 Все-то, Машенька, неправда твоя!
 У те миленькой Петръ Никитич!
 Цѣловала Машенька милаго,
 Цѣловала Ильинишна Никитича!

7.

Курень, славный курешокъ —
 Розыгрался этотъ курень,
 У дѣвицѣ въ бѣломъ лицѣ румяна играютъ.
 Холостова-молодова парня разжигаютъ,
 Не то-ли што холостова, —
 Женатому тошно.
 Не то-ли што женатому
 Дарую, — трою поцѣлую.

8.

На горкахъ, на горынькахъ,
 На крутыхъ пригоринкахъ
 Тутъ ходилъ гулялъ удалой молодець
 Со тысячи на тысячи ступалъ.
 Онъ миллионами ворочалъ, отпускалъ
 Изъ неволюшки, сиротъ выкупалъ.
 Вы сиротки, сиротинушки,
 Помолитесь-ка Богу обо мнѣ,

Чтобы быть мнѣ-ка писаремъ.
Цѣловаться съ пріятелемъ!

9.

По улицѣ мостовой
Шла дѣвица за водой
За холодной, ключевой,
За ней парень молодой
Точно баринъ, кричитъ.
Дѣвицѣ: «постой»,
Красавица обожди,
Бѣлы ручки подожми!
Деревенской большой ротъ,
Не реви во весь народъ.
Мой батюшка у воротъ
Зоветь меня въ огородъ,
Чесноку, луку полоть,
Чесноку, луку полола,
Бѣлы руки наколола.
Какъ отъ этой лебеды
Стали руки не бѣлы!

10.

Я по цѣфтамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Не нашла свѣта алова,
Супротивъ слова милова.
Мой миленькой пригожь, душа — хорошь!
Мнѣ подарочекъ принесъ
Съ руки перстень золотой.
Не хочу перстень носить,
Хочу скинуть, положить.
Не хочу дружка любить
Хочу бросить, позабыть.

Послѣ сговора наступаетъ дѣвишникъ. На послѣдній собирается молодежь и проводитъ всю ночь въ пѣсняхъ и играхъ. Поются слѣдующія пѣсни:

1.

Маменька бранится,
Зачѣмъ, ты, дочь, грустна?
Но кто-жъ про то не знаетъ,
Въ кого я влюблена?
Люблю-жъ дружка смертельно,
Люблю его душой.
Какъ онъ меня не любить,

Смѣется надо мной.
 Господь тебя накажетъ
 Несчастною, судьбой,
 Несчастною злосчастною,
 Женою молодой.

2.

У Катюши мужъ гуляка,
 Барыня ты моя, сударыня ты моя,
 Мужъ гуляка, забяка!
 Онъ и ходитъ, пьетъ, гуляетъ!
 Барыня ты моя, сударыня ты моя.
 Пьетъ, гуляетъ, про Катюшу забываетъ.
 Барыня и прочее.

Забываетъ!

Приходилъ поздно, не рано,
 Приносилъ добра не мало!
 Барыня и проч.
 Да не мало, што не мало —

Три кармана!

Въ первомъ карманѣ — орѣхи
 Барыня и проч.

Да орѣхи!

Во второмъ карманѣ — конфеты,
 Въ третьемъ карманѣ — малина.
 Барыня и проч.

Да малина!

Съ орѣховъ зубы ноютъ,
 Барыня и проч.

Зубы ноютъ!

Со конфетовъ очень тошно,
 Со малины животъ дуетъ!
 Барыня и проч.

Животъ дуетъ

Сподуваетъ!

Барыня и проч.
 Выше носу поднимаетъ.
 Барыня и проч.

Поднимаетъ!

Мнѣ на братца да сказати
 Барыня и проч.

Да сказати!

Красоты своей отстати,
 Барыня и проч.

Да отстати!

Мнѣ сказати, не сказати
 На Алешу сиротину
 Барыня и проч.

На Алешу сиротину!

У Алеши сиротины,
 Нѣтъ ни гроша, ни полтины
 Барыня и проч.

Нѣтъ не мѣдныя полушки.
 Цѣловать было Ванюшку!

3.

Кони вы, кони,
 Лошади готовы!

Цадимъ васъ, кони,
Солдатамъ на службу,
Отставнымъ на нужду.
Службу служите,
Сѣна возите.
Сѣна по колѣны,
Овса до щетки.

4.

Хожу я съ блюдомъ,
По добрымъ людямъ;
Зайду я къ хозяину,
Зайду ко хрестьянину:
Господинъ хозяинъ,
Госпединъ хрестьянинъ,
Выводи лошадку,
На зелену травку.

Послѣ дѣвѣшника наступаетъ и день свадьбы. Для того, чтобы свадьба сошла благополучно, выбираютъ изъ умственныхъ, бывалыхъ мужиковъ дружку съ подружьемъ. Роль этого дружки прежде да и теперь въ нѣкоторыхъ захолустныхъ сибирскихъ деревняхъ, состояла въ томъ, чтобы при помощи молитвъ, наговоровъ и причитаній бороться со всякой чертовщиной и нечистой силой, задумавшей разстроить свадьбу, причинить вредъ свадебному поѣзду, навести порчу на жениха или невѣсту. Много слуховъ ходятъ среди народа объ обидчивости дружекъ, въ случаѣ невниманія, непочтительности къ нимъ со стороны поѣзжанъ, въ случаѣ неприглашенія ихъ на свадьбу. Если въ деревнѣ, въ которой живутъ двое-трое дружекъ, не пригласятъ одного изъ нихъ на свадьбу, то дружки метятъ брачующимся и всему поѣзду. Подъ ворота «молодыхъ» кладутъ травку-медвѣжанку, съ блохой, отчего поѣздъ не можетъ выѣхать со двора. Лошади точно вкопанные стоятъ на одномъ мѣстѣ, дрожа всемъ тѣломъ. Смазываютъ ворота медвѣжьимъ саломъ; запахъ послѣдняго пугаетъ лошадей. Озлобленный дружка заставляетъ свадебный поѣздъ блуждать по полю по нѣсколько часовъ. Случается, что по наговору озлобленного дружки, кони на дорогѣ падаютъ, дуги ломаются, свѣчи въ горнищѣ гаснутъ. Все это долженъ предвидѣть дружка, выбранный для сопровожденія свадебнаго поѣзда, и принимать мѣры къ устраненію неблагоприятныхъ случайностей для всего поѣзда и молодыхъ. Онъ слѣдитъ за порядкомъ на свадебномъ поѣздѣ и дома, осматриваетъ лошадей, сани, пороги, входитъ первый въ избу, читаетъ отговоры противъ злоумышленныхъ наговоровъ, наказываетъ просѣшниковъ, дерзнувшихъ посмѣяться, пошутить надъ свадебнымъ поѣздомъ, заставляя ихъ переносить въ полахъ сѣно съ одного мѣста на другое до истощенія силъ. Иногда такой дружка позволяетъ себѣ наказывать тѣхъ гостей, которые вздумаютъ уйти со свадьбы раньше, чѣмъ разойдутся всѣ

Вѣра въ сверхъестественную силу дружки удержалась, какъ я замѣтилъ, только въ глухихъ, захолустныхъ сибирскихъ деревняхъ. Если же и по сіе время сохранились повсемѣстно обычай приглашать дружекъ на свадьбы, то это дѣлается въ видахъ сохраненія благочинія и порядка на

послѣднихъ, для торжественности обряда и свадебнаго этикета. Въ лицѣ дружки видятъ уже не колдуна, а главнаго распорядителя, мужика умственнаго, поддерживающаго своими прибаутками и присказками веселое настроеніе гостей, общества. Его теперь большею частію называютъ не дружкой, а «большагомъ, вѣзливцомъ». Замѣна одного названія лица другимъ тѣсно связана съ замѣной стараго понятія объ этомъ лицѣ новымъ.

Въ помощники дружки выбирается «подружье»; послѣдній выбирается либо изъ родственникововъ, либо изъ знакомыхъ и пріятелей. Роль подружки — услуживать гостямъ, разносить вино и проч.

Въ свадебномъ поѣздѣ участвуютъ: тысяцкій и поѣзжане. Тысяцкій — это крестный отецъ жениха; онъ мѣняетъ у брачной четы кольца въ церкви. Поѣзжане — пзвоички. Они выбираются изъ родственниковъ или же изъ знакомыхъ, у которыхъ есть кони. Ихъ выбираютъ въ количествѣ отъ 3—12, смотря по свадьбѣ и достатку брачующихся. Дружка съ подружьемъ, тысяцкій и поѣзжане получаютъ, послѣ свадьбы, приличные подарки отъ невесты.

Тамъ, гдѣ уцѣлѣла еще вѣра въ сверхъестественную силу дружки, послѣдній, передъ отправленіемъ къ невестѣ, съ поѣзжанами и тысяцкимъ кладетъ въ питье жениха кусочекъ воску съ наговорами, или налѣпляетъ на крестъ. Въ домѣ невесты въ это время происходитъ большая суматоха.

Подруги отводятъ невесту за ширму и здѣсь, въ «кутѣ», начинаютъ ее наряжать къ вѣнцу. Невѣста причитываетъ:

Богъ тебѣ судья, родимый батюшка,
Запросваталъ ты меня младешеньку,
Молодымъ меня молоденьку.

Когда одѣванье невесты окончено, подруга выводитъ ее изъ «куты» въ горницу, садятъ за столъ и размѣщаются сами около нея. На столъ ставятъ блюдо и ложки. Пріѣхавшіе отъ жениха дружка съ подружьемъ, тысяцкій и поѣзжане должны выкупать невесту у ея подругъ, должны заплатить за право пустить жениха къ невестѣ за столъ. Выкупъ производится деньгами, орѣхами, пряниками и проч., которыя дѣлятся между всѣми подругами поровну. Тысяцкій выступаетъ впередъ и кладетъ свою долю въ блюдечко, за нимъ дружка, а за послѣднимъ подружье съ поѣзжанами. Подруги невесты въ это время приговариваютъ: «подсыпайте, подсыпайте, не жалѣйте! наша невеста того стоитъ». Выкупивъ невесту, послы отправляются назадъ къ жениху, дружка съ поклономъ объявляетъ жениху: «кланяется вамъ невеста; она жива и здорова, благополучна и проситъ къ себѣ въ гости». Женихъ подсмѣиваясь говоритъ: «вотъ я уже къ ней подойду». Женихъ проситъ гостей отвѣдать вина, рыбы «летучей» и проч. Гости не отказываются отъ угощенія, благодарятъ хозяина за хлѣбъ за соль, начинается прощаніе жениха съ его родителями, родными и родственниками. Отецъ съ матерью благословляютъ жениха иконой. Женихъ-сынъ кланяется въ ноги отцу, матери и дѣду; съ остальными родными онъ обмѣнивается поцѣлуями. Дядя жениха подпрыгаетъ пару для невесты и всѣ съ женихомъ и его родней, «всѣмъ дорогимъ поѣздомъ»,

отправляются къ невѣстѣ. Поѣздъ вѣзжаетъ во дворъ. Въ это время подружки невѣсты поютъ:

Ой, тятенька, женихъ-то у воротъ!
Ой, дитятко, не бойся, не отдамъ!
Ой, тятенька, женихъ-то у крыльца.
Ой, дитятко, не бойся, не отдамъ!
Ой, тятенька, женихъ-то въ сѣняхъ.
Ой, дитятко, не бойся, не отдамъ!
Ой, тятенька, женихъ-то въ терему,
Ой, дитятко, не бойся, не отдамъ!

Женихъ въ сопровожденіи дружки и поѣзжанъ входитъ въ избу. Въ горницѣ сидитъ братъ невѣстинъ, требуя выкупа за невѣстину косу. Тысяцкій кладетъ на столъ полтину, рубль, два, если этого мало, то братъ продолжаетъ сидѣть за столомъ, тогда тысяцкій кладетъ еще рубль. Братъ невѣсты встаетъ, угощаетъ тысяцкаго чаркой вина, садитъ на свое мѣсто. Подружки въ свою очередь стараются заманить жениха въ «кутъ». Если это имъ удастся, то онѣ снова садятся за столъ и требуютъ выкупа за жениха. Если-же имъ даже насильно не удастся втащить жениха въ «кутъ», то всякіе «кути», какъ говорятъ крестьяне, прекращаются. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ выкупъ невѣсты у ея подружекъ происходитъ въ присутствіи жениха.

Послѣ выкупа косы у брата невѣсты, отецъ подводитъ свою дочь-невѣсту къ жениху, къ переднему столу. За невѣстой слѣдуетъ мать. Шествіе замыкаютъ подружки; онѣ поютъ:

Не листъ шумитъ во теремѣ,
Не громъ гремитъ во високомъ терему,
Передъ Спасомъ свѣчи теплятся,
Марья Богу молится,
Низко кланяется.
Бросила ключи вдоль да по цѣлой горницѣ.
Я тебѣ, батюшка, не ключница,
Я тебѣ, матушка, не разлучница.
Чужому свекру батюшкѣ,
Чужой свекровѣ матушкѣ.

Тысяцкій подаетъ отцу и матери невѣсты по рюмкѣ вина, а женихъ беретъ невѣсту за руку и садитъ ее около себя. Отецъ невѣстинъ угощаетъ весь поѣздъ виномъ. Передъ тѣмъ, какъ вставать изъ-за стола, всѣ молятся, поставивши свѣчи къ образамъ. Родители невѣсты благословляютъ невѣсту образомъ. Послѣ благословенія всѣ гости снова благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ-за-соль и угощеніе, и, взявшись за руки, выходятъ на дворъ, на улицу, садятся въ телѣги или сани. Впереди всѣхъ ѣдетъ дружка съ подружьемъ; за нимъ тысяцкій съ женихомъ. У перваго въ рукахъ икона; за тысяцкимъ невѣста съ крестной, сваха и остальные гости-поѣзжане. Послѣ отъѣзда поѣзда въ церковь, между парнями и дѣвками завязывается борьба: кидаютъ въ другъ дружку комками соломы,

душать другъ дружку. Смѣхъ, взвизгиванія, крики наполняютъ избу. Въ воздухѣ стоитъ пыль столбомъ. Все смѣшивается въ одну рѣзвую, барахтающуюся кучу.

Въ церковь вводитъ молодыхъ тысяцкій; бракосочетаніе совершается по церковному обряду. Дружка съ подружьемъ не входятъ въ церковь, а забираются для выпивки въ какойнибудь ближайшей кабачекъ, изрѣдка освѣдомляясь, окончился-ли обрядъ вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія, новобрачные съ гостями отправляются въ домъ жениха. Съ пѣснями гости входятъ во дворъ, а отсюда въ избу.

X
 Вы, соколы, соколы,
 Перелетные, ясные соколы!
 Вы куда соколы летали, летали?
 «Ужь съ городу на городъ,
 Съ моря и на моря».
 Вы кого, соколы, видѣли?
 «Ужь мы видѣли, видѣли
 Бѣду лебедь на синемъ морѣ».
 Зы о чемъ (?) ее не поймали,
 «Хоть мы и поймать не поймали,
 Право крылышко сломали.
 Отставала лебедушка
 Прочь отъ стада лебединого;
 Приставала лебедушка
 Ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ,
 И ее стали гуси щипати:
 «Не щипайте меня, гуси сѣрые!
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесло меня погодою,
 Все погодою хвалынскойю.
 Все добры кони Никитича».
 Отставала лебедушка
 Прочь отъ стада лебединого,
 Приставала лебедушка
 Близо къ молодцу — молодушкамъ.
 Не умѣла на головушкѣ поправить,
 Ее стали люди хаяти.
 «Вы не хайте, люди добрые!
 Не сама я къ вамъ забѣжала.
 Обуяла меня грусть великая.
 Прочь безъ тятеньки, прочь безъ маменьки.
 Накатилось вдругъ весельице
 Противъ милого обручена
 Обрученнаго, завѣнчаннаго».

Дружка вводитъ новобрачныхъ въ сѣни, оглядываясь, все-ли въ порядкѣ въ сѣняхъ, нѣтъ-ли у порога какой лѣсенки или прута — предзнаменованіе смерти невѣсты; зажжены-ли свѣчи въ горницѣ, передъ образами. За дружкой съ новобрачными входитъ въ горницу тысяцкій, держа жениха за руку и невѣсту, за невѣстой свахи и поѣзжане. Все это время поютъ пѣсни:

X
 Селезеньшко кудри вьеть,
 Сѣра утка ухорашивается,

Красны дѣвушки дивуются
 Моему-то хорошему.
 Разлучалася съ батюшкой,
 Со родимой матушкой.
 Не умѣла-же дѣвушка
 На головникъ поправить,
 Ее стали люди хаяти:
 «Вы не хайте, люди добрые,
 Вы не хайте, подруги милыи.
 Какъ мое-то хорошество!
 Разлучилася съ батюшкой,
 Со родимой матушкой.
 Не сама я къ вамъ забѣхала,
 Завезли меня добры кони Никитича.

Отецъ съ матерью благословляютъ жениха и невѣсту хлѣбомъ и солью. Женихъ-сынъ кланяется въ ноги отцу и матери, затѣмъ откусываетъ хлѣба и лижетъ соли, тому-же примѣру слѣдуетъ невѣста. Дружка подаетъ рюмку вина новобрачнымъ, изъ которой послѣдніе отпиваютъ три раза. Послѣдній остатокъ со дна рюмки женихъ вливаетъ въ ротъ невѣсты. Затѣмъ молодые смотрятся въ зеркало и цѣлуются; послѣ этого молодыхъ усаживаютъ за столъ, на почетное мѣсто, подъ образами, «хлѣбъ соль ѣсть». Начинается веселье.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ молодые, передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, обносятъ гостей водкой.

Настоящій пиръ и веселье бываетъ на второй день послѣ свадьбы. Въ день-же свадьбы, совершенія бракосочетанія, гости, повеселившись часокъ другой, расходятся, желая дать отдыхъ молодымъ. Сваха надѣваетъ на голову невѣсты шелковый платокъ, заплетаетъ волосы въ двѣ косы. Новобрачныхъ стараются помѣстить въ холодной горницѣ, либо въ амбарѣ, либо въ сѣняхъ. Ложе дѣлается изъ «приданной» постели невѣсты.

Гости, оставивъ новобрачныхъ, ѣздить другъ къ дружкѣ, угощаются и въ веселіи, пѣсняхъ и выпивкѣ проводятъ всю ночь. На слѣдующій день, утромъ, дружка заставляеть затопить баню для новобрачныхъ.

Въ баню первый входитъ дружка, чтобы наладить ее. За нимъ молодые съ жениховой и другой родней. Въ предбанникѣ невѣста даритъ дружку и подружку платками. Тѣ благодарятъ и съ пѣснями удаляются.

Послѣ бани молодые ѣдятъ пельмени, невѣста раздаетъ подарки: свекру — штаны плисовые или-же суконные, свекрови — на юбку ситцу, деверю — рубаху, тысяцкому — платокъ, дружкѣ — полшалоко и рубль серебромъ, подружкѣ — рубаху, свахѣ — шаль, поѣзжанамъ по одному платку. Новобрачные садятся въ «передній уголъ». Имъ и веѣмъ сидящимъ въ переднемъ углу прислуживаетъ дружка съ подружьемъ. Остальные гости, сидящіе на другомъ концѣ стола, угощаютъ другъ дружку сами.

Выпивъ по рюмочкѣ, — другой, закусивъ и поболтавъ немного, гости расходятся; завертываютъ, по приглашенію, прежде всего къ тысяцкому, а отъ послѣдняго къ поѣзжанамъ. Послѣ ухода гостей, дружка съ подружьемъ, свахой, тысяцкимъ, поѣзжапами, съ отцомъ и матерью-жениха

уводят молодых на брачное ложе и затѣмъ уже начинаютъ печь блины, къ четыремъ часамъ утра пріѣзжаютъ всѣ поѣзжане. Женихъ посылаетъ ихъ звать на «пиръ» родителей невесты, такъ какъ они до сихъ поръ не принимали участія въ общемъ весельѣ, въ общей «гулянкѣ». Поѣзжане отправляются къ родителямъ невесты и съ поклономъ просятъ ихъ пожаловать на свадьбу, къ молодымъ: «пожалуйте къ новобрачному князю, хлѣба — соли покусать, бѣлую лебедь рунать, на рюмочку винца, да на чарочку шивца». «Благодарю покорно», отвѣчаетъ отецъ и подноситъ поѣзжанамъ вина; поѣзжане выпиваютъ, благодарятъ, кланяются и спѣшатъ къ другимъ гостямъ за приглашеніемъ.

Наконецъ гости всѣ пріѣзжаютъ къ жениху. Гостей встрѣчаетъ подружка съ подносомъ въ рукахъ и принимаетъ ихъ подчивать виномъ. Родителей-же невесты встрѣчаетъ на улицѣ женихъ со стаканомъ краснаго вина, прикрытаго сверху тряпичкомъ съ рублемъ и кусочкомъ сахару, — Женихъ предлагаетъ мѣсто тестю рядомъ съ собой. Рядомъ съ невестой садится ея родная мать, а рядомъ съ послѣдней — сваха.

Столъ накрытъ на всѣхъ гостей. На столѣ, убранномъ пестрой скатертью, красуются блюда со всевозможными кушаньями, похлебкой, ухой, жареной курицей, гусемъ, куронатками, тетеревами; огурцы, капуста, алмады, шаньги сырные и картофельныя, пироги съ рыбой, сусло, сушки, орѣхи, ягоды въ суслѣ, пряники, пиво, вино и прочее. Когда всѣ гости соберутся, то «молодая» подноситъ каждому изъ нихъ по рюмкѣ вина съ блиномъ; гости поздравляютъ невесту съ законнымъ бракомъ, выпиваютъ вино, закусываютъ блиномъ и кладутъ невестѣ въ подносъ деньги. Состоятельные родственники «кладутъ невестѣ на блины по скотинѣ» — другой». Такимъ щедрымъ дарителямъ, невеста падаетъ въ ноги, либо кланяется до земли. Обойдя всѣхъ гостей, невеста садится на свое мѣсто. Веселье продолжается до полуночи; затѣмъ гости съ иѣнями расходятся.

Гулянка продолжается еще день другой, но молодые супруги уже не принимаютъ участія въ этихъ гулянкахъ. Они либо сидятъ дома, либо катаются по селу или деревнѣ; наконецъ, всѣ участники свадьбы, послѣ охмѣленія, снова принимаются за работу, которая ихъ не ждетъ, а назойливо предъявляетъ свои требованія. Въ старину говорятъ, при большемъ достаткѣ свадьба тянулась недѣли по двѣ, веселье было болѣе продолжительное, болѣе искреннее и не бралось съ бою, какъ теперь.

Недѣли черезъ двѣ, родственники и сосѣди приглашаютъ новобрачныхъ къ себѣ и зима не замѣтно проходитъ. Наступаетъ весна съ мимолетнымъ сибирскимъ лѣтомъ, наступаетъ и жаркое время...

Теперь, скажемъ нѣсколько словъ о бракахъ совершаемыхъ «убѣгомъ». Эти браки вызываются большею частью побужденіями чисто экономическаго характера. Жениху либо совсѣмъ не приходится убытиться, либо въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, на половину противъ требуемаго. Женихъ отдариваетъ невесту пятью — шестью рублями, смотря по достатку. Онъ на вечеркѣ заранѣе условливается со своей невестой о днѣ совершенія побѣга. Женихъ въ назначенный день увозитъ невесту къ своимъ знакомымъ или родственникамъ гдѣ ее скрываютъ трое — пятеро сутокъ. (Какъ,

напримѣръ, у насъ въ селеніи, дочь Порфирія Медвѣдова—Васса, скрывалась у Михаила Большакова въ подпольѣ трое сутокъ). Затѣмъ совершается въ церкви бракосочетаніе. На вѣчаніи не присутствуетъ тысяцкій. Постѣ вѣчанія ѣдутъ къ жениху; гостей потчуютъ виномъ, чаемъ и ужиномъ; послѣ угощенія гости рано расходятся. На слѣдующій день начинаются переговоры съ родителями невесты, черезъ посредство знакомыхъ. Старикъ сначала упрямится, не соглашается на мировую, но, потомъ, послѣ долгихъ упрасиваній, выговоривъ себѣ часть просяимаго раньше «калыма», прощаетъ дочери. Тогда женихъ съ невестой являюся къ нему на «покореніе», падаютъ въ ноги и просятъ прощенія. Со стороны родителей невесты слѣдуетъ прощеніе. Въ домѣ родителей невесты собираются родственники съ обѣихъ сторонъ, гости и пируютъ, веселятся на пролетъ цѣлую ночь.

Браки въ деревняхъ обыкновенно совершаются въ «промежговѣнье». Послѣ крещенія и пасхи, браки рѣдко совершаются. Затѣмъ въ послѣднее время начинаютъ преобладать «браки убѣгомъ», въ виду пошатнушагося благосостоянія крестьянъ.

